

У этого облака тёплого жёлтого цвета было парадное имя — Цюньцаншань, а домашнее — Маньмань.

Оба этих имени крошечное облачко выбрало себе само. У Ван установил с ним связь, когда ему едва исполнилось три года. Будучи ребёнком, который нуждался в постоянном присмотре, он редко выпадал момент побыть наедине так, чтобы никто вокруг не заметил.

В тот вечер У Ван издали увидел плывущее по небу маленькое тёплое жёлто-золотистое облачко, подгадал момент и в одиночку ускользнул во пустующий дворик.

Судя по связи, что установилась между ними, если рядом находился кто-то посторонний, облачко никогда не спускалось вниз. Его появление означало, что поблизости нет ни души — разве что У Ван сам решит кому-нибудь его представить.

Трёхлетний У Ван протянул пухлую ручонку, похлопал по мягкому, упругому облачку и с улыбкой произвел:

— Малышка Облачко, красивы ли виды снаружи? Прости, что тебе и дальше придется скитаться в одиночестве, мне так жаль, Облачко.

Тело облачка замерло от неожиданности, оно тут же подплыло ближе и потёрлось о У Вана с такой силой, что чуть не опрокинуло его. К счастью, облачко проявило завидную расторопность и с виноватым видом водрузило У Вана себе на спину, слегка подбросив, чтобы показать: оно вовсе не со зла.

На самом деле странствовать по свету вовсе не входило в планы облака — оно неизменно помнило об У Ване и возвращалось навестить его каждый год, хотя и предавалось веселью с превеликим удовольствием.

У Ван, ни капли не уразумевший истинных чувств облачка, счастливо улёгся на нём.

Совсем как сейчас Аси: завидев плывущее облачко, она радостно бросилась вперёд, принявшись тереться и кататься по его поверхности. Это облако было чудесным волшебством её хозяйина и мягче, и упругее любой лужайки, вот только хозяин редко играл с ней на облаке вместе.

У Ван опасался, что Маньмань не выдержит их с песиком веса — в его мыслях Маньмань оставалась всё тем же крошечным, мягким комком, каким он увидел её впервые. Но на самом деле большая тучка Юнь Маньмань теперь запросто могла унести десяток таких У Ванов, ведь она была Облаком-Богатырём, которому предстояло расти и дальше.

Шерсть Аси была длинной и шелковистой, такой же развевающейся, как у Маньмань. На голове шерстка росла во все стороны, напоминая распустившийся цветок хризантемы, а пышный хохолок был собран на макушке и украшен крошечной корочкой. Большие глаза

сияли, словно чёрный жемчуг, а уши, поросшие длинной шерстью, свисали по бокам. Из-за её безудержного кувыркания всё тело пушилось, точно одуванчик.

У Ван немного поиграл с Аси и Маньмань, привёл в порядок шёрстку питомицы и распрощался с ними, чтобы пойти к наставнику.

Чжоу Сяоянь изначально приехал в Ханчжоу по высокооплачиваемому контракту, заключенному Кланом У. Кто бы мог подумать, что он возьмет ученика, закрывающего врата мастерской, и после этого получать зарплату стало бы просто неудобно. Лишь после долгих и безуспешных попыток отказаться он принял весьма щедрую плату за обучение.

Позже он хотел арендовать или купить дом за пределами усадьбы Клана У, чтобы ему было удобнее обучать У Вана, но после уговоров Инь Инъяо и У Эрбая всё же остался жить в поместье Клана У, хотя и снял домик в городе для решения прочих дел.

— Наставник, добрый день! Я опоздал? — едва переступив порог, поинтересовался У Ван, заметив, что учитель уже ждёт его на тренировочной площадке.

Глядя на этого безумно радующего его младшего ученика, Чжоу Сяоянь с улыбкой покачал головой:

— Ни капельки. Это наставник пришёл пораньше.

У Ван рос ребёнком воспитанным и соблюдающим все правила. С момента начала обучения он изо дня в день, в любую погоду, являлся вовремя, ни разу не опоздав и не уйдя раньше положенного. Даже когда наставника не было дома, он упорно продолжал вовремя заниматься боевыми искусствами.

У Ван подошёл, обнял Чжоу Сяояня за талию и слегка потщился о него:

— Учитель~

Наставник в ответ тоже обнял его за плечи и похлопал по спине.

Едва разомкнув объятия, У Ван тут же встал на привычное для тренировок место и принял боевую стойку. Лицо Чжоу Сяояня тотчас посуровело, и он с каменным выражением лица приступил к занятиям.

— Ноги! Вытолкни вперед, с усилием!

— Ты что, не обедал? Это движение делается быстрее!

— Тазобедренный сустав ниже... Так... Прекрасно... Поворот корпуса, удар локтем, прямой удар ногой в пах!

— Продолжаем, повтори это движение десять раз.

...

Поужинав, У Ван продолжил дополнительные тренировки и вернулся в комнату только к половине девятого вечера. К тому времени У Се уже искупался и ждал его — приближался один из самых радостных моментов для старшего брата: часовое вечернее повторение уроков.

У Се никогда прежде не занимался с другими детьми, но все дети из Клана У отличались умом и сообразительностью схватывали всё на лету. Ежевечерние занятия приносили ему огромное удовольствие: он наблюдал, как брат под его заботливым руководством преодолевает трудности и вдруг всё понимает, а восторженные, полные восхищения глазки младшего брата неизменно приводили У Се в умиление.

— Вернулся? Устал, наверное? Бегом мыться, братик тебе сейчас спинку помнёт.

У Ван кивнул:

— Хорошо, спасибо, братец.

После водных процедур они уселись за один стол заниматься. Учился У Ван быстро, поэтому большую часть времени У Се посвящал внеклассным знаниям, которые приходили ему на ум.

Закончив занятия и сделав брату массаж (У Се жаловался, что сегодня у него заболела поясница после возни с надписями на эстампах), У Ван лёг, прижавшись к груди старшего брата. Глядя на спокойное, умиротворённое лицо брата в лунном свете, он неожиданно вспомнил то, что случилось несколько лет назад.

На самом деле он захотел заняться боевыми искусствами вовсе не потому, что посмотрелся сериалов. Причиной тому стало нечто странное, замеченное им ещё пять лет назад.

Пятилетний У Ван уже вовсю бегал, прыгал и помогал брату устраивать мелкие пакости, хотя в большинстве случаев его роль сводилась лишь к тому, чтобы стоять на шухере и оказывать моральную поддержку.

В тот день У Ван, как обычно, составлял компанию У Се во время занятий каллиграфией. Любуясь тем, как виртуозно брат выводит иероглифы почерком хуацзинь, У Ван тоже загорелся тягой к знаниям и попросил брата научить его.

У Се подумал про себя: если Ван-Ван тоже научится писать почерком хуацзинь, они с братом станут похожи еще сильнее. Стоило ему взглянуть на свои детские фотографии, как он тут же видел точь-в-точь такое же выражение: У Ван сейчас глядел на него во все глаза, полные чёрными угольками детских надежд. У Се, охваченный вдохновением, усаживал У Вана перед собой и, бережно обхватив его ладошку своей рукой, тщательно, штрих за штрихом, обучал письму. У Ван был мал, но рука у него оказалась на редкость твердой, а учился он быстро — не прошло и нескольких дней, как мальчик уже выводил пару-вполне красивых иероглифов.

Старшие обнаружили это лишь полтора месяца спустя: к тому времени У Ван уже умел писать первые триста иероглифов из Троесловия. Он до сих пор отчетливо помнил лица окружающих, в тот самый миг, когда он показал написанное деду.

Сначала У Ван ничего не понял и испугался, решив, что совершил какой-то проступок.

Позже Второй дядя объяснил: если у двух братьев слишком близкие отношения, все же лучше, если их почерки различаются. К тому же У Се писал стилем соуцзинь — это больше подходило его скрытной и утонченной натуре, к тому же Третий дядя питал к соуцзиню особую слабость.

Но поскольку У Ван был ближе всех со Вторым дядей, ему стоило перенять почерк, который больше всего ценил Второй дядя. С этими словами У Эрбай достал два прописи — с образцами письмён сяочжуань и лишу — и велел У Вану выбрать одну по своему вкусу.

У Ван растерянно смотрел на оба образца. Скользнув взглядом по сяочжуаню, он тут же выбрал лишу, чем слегка разочаровал У Эрбая: из-за императора Цинь Шихуанди тот явно предпочитал сяочжуань. Впрочем, вскоре У Ван узнал об этой причине и принялся усердно изучать оба стиля.

Если бы на этом всё и закончилось, не случилось бы ничего особенного. Однако, начав осваивать лишу, У Ван заметил неладное в братниных прописях. Внимательно перелистай он прежние упражнения У Се, мальчик понял, что они отличаются от обычных прописей, по которым учился он сам. Время от времени в них встречались отрывки с одинаковым текстом, но написанные с разной силой нажима — словно... эти иероглифы вывел кто-то другой.

Он поделился своим открытием с братом, на что У Се ответил: возможно, тот незнакомец просто мастерски владел стилем соуцзинь, поэтому Третий дядя раздобыл его работы для занятий, и утешил мальчика, уверяя, что в этом нет ничего страшного.

И всё же, думал У Ван в растерянности, история выдалась странная.

Поскольку мысли мальчика постоянно возвращались к этим загадкам, он волей-неволей начал приглядываться к людям и вещам вокруг. Обычно У Се и младший брат были водой не разольи: отправляясь к Третьему дяде за новыми знаниями, У Се неизменно брал У Вана с собой. И в ходе этих визитов у мальчика появилась еще одна странная догадка.

Стоило столкнуться с какой-нибудь загадкой в исследованиях древностей, как приходилось обращаться к старинным фолиантам. Каждый раз, заглядывая в книги, Третий дядя садился напротив брата, а все просмотренные тома раскладывал вокруг на строго определенных местах — для каждой книги был уголок. Если же У Се случайно клал фолиант не туда, Третий дядя медленно покачивал его перед глазами брата, а затем водворял на правильную полку.

Вообще-то раскладывать книги по порядку было вполне естественно, но вот беда: когда У Се отсутствовал, Третий дядя никогда так не поступал.

У Ван не понимал, что означали эти странности и к чему могли привести, но от природы обладал удивительной чуткостью к чужим эмоциям. В те моменты, когда происходило что-то подобное, лица окружающих омрачались грустью — пусть эта тень печали и промелькивала мгновенно.

Маньмань тоже делилась с ним своими мыслями ментально: порой, когда У Се уходил, У Саньшэн подолгу сидел неподвижно, глядя на стопки книг, хотя разобрать выражение его лица было невозможно.

От всего этого У Вану становилось не по себе.

И вот однажды, увидев, как Второй дяде отдает распоряжения кому-то из домашних слуг, У Ван словно прозрел: я ведь тоже могу помогать брату с тем, что у него получается хуже!

По мнению У Вана, его брат У Се был невероятно одаренным человеком: сообразительный, талантливый, он не только преуспевал в учебе, но и легко постигал дома множество неведомых прежде вещей. Книги запоминал, пролистав пару раз, а любые детские головоломки — будь то девять колец, замок Конминду и прочее — щелкал как орехи.

У Ван думал: пусть у него нет братского острого ума и ловких рук, но он может учиться. Наверняка найдутся дела, в которых он сможет преуспеть упорством, и тогда, что бы ни случилось в будущем, они смогут встретить любые испытания вместе с братом.

Именно поэтому У Ван решил заняться боевыми искусствами: если кто-то посмеет причинить вред его близким, у него появится сила их защитить.

Заметив это стремление во время тренировок, Чжоу Сяоянь понял, зачем именно У Ван учится драться, а потому тренировал его по-настоящему смертоносным приемам, а не простому поддержанию формы.

Хотя в толк взять не мог: неужели у ребенка из столь влиятельного и богатого клана уже в таком возрасте развилось настолько острое чувство опасности?

Театральное представление Юньцай:

С тех пор как маленькое облачко узнало, что у песика есть имя, оно связалось с У Ваном и потребовало себе собственное имя, поставив неременное условие: оно должно быть похожим на имя Сигуй.

Прежде У Ван не давал облаку имени, потому что маленькая Юньцай была облаком думающим, со своим характером — ей не нужны были чужие решения и навязанные людьми имена.

Сломав голову над этой задачей и обратившись за советом к брату, У Ван перебрал множество

имен из классических стихов и по очереди зачитывал их маленькой тучке. Выслушав предложения, Юньцай проглотила записку целиком, долго и сосредоточенно все обдумывала, а спустя какое-то время выплюнула бумажку обратно. На ней красовались два иероглифа: Цзаншань.

Смысл, заложенный У Ваном, облако не поняло — оно знало лишь одно: эти два иероглифа отражали его нынешнюю заветную мечту: расти все больше и больше, пока не вырастет настолько, чтобы закрыть собой целую гору.

Облачко уже всё решило: как только оно вырастет до размеров, способных скрыть гору, оно сменит имя на Цзанхай, Цзанди, а то и Цзаншицзе!

Разобравшись с великим именем, Юнь Цзаншань попросила У Вана подобрать еще и домашнее прозвище — ведь у Сигуй оно было.

У Ван долго мучился, выбирая из множества благозвучных и утонченных вариантов, пока наконец не остановился на нежном имени Маньмань.

Маньмань... словно озорное облачко, укутывающее горные вершины, отчего отчетливые прежде очертания гор становятся размытыми, сливаясь с небесной синью. А дунет ветер, облако незаметно растает, и гора вновь предстанет в своей первозданной красоте.

Маньмань была в восторге от обоих имен. Теперь у нее будет два имени — одно твердое, другое мягкое, совсем не так, как у других облаков.

<http://bllate.org/book/21354/2170932>